

К
Фонд компенсации
(в пользу народов Севера)

P2
П 59

**Георгий
ПОРОТОВ**

КАМЧАДАЛЫ

РИО КОТ
Петропавловск-Камчатский
1994

ББК 84-44
П41

Книга Георгия Германовича Поротова, широко известного и почитаемого на Камчатке писателя, „Камчадалы“ впервые выходит в свет к 65-летию со Дня рождения автора. Роман не был завершен писателем при жизни, но тем не менее представляет собой большую художественную и историческую ценность, ибо рассказывает о малоизученном периоде жизни всех слоев населения полуострова в начале века — накануне и во время русско-японской войны.

Литературная подготовка текста
Н. Н. Селивановой

Организатор издания и ответственный за выпуск
А. И. Белашов

Художник Ви Ти Сен

Фото из коллекции
Камчатского областного краеведческого музея

© Фонд компенсации (в пользу народов Севера), 1994

© Ви Ти Сен, оформление, 1994

ISBN 5-85857-024-0

ЗА РОДНУЮ ЗЕМЛИЦУ

Прошлогоднее лето в Милькове было жарким. Но в начале августа как-то разом почувствовалось приближение осени — пошли затяжные дожди, похолодало. Зато раскраснелась ягодами бузина, буйствовал по стенам деревенских домиков цветущий выюнок. Леса вокруг села полнились ягодами, грибами. Щедрыми плодами одаривали огороды. А с обочин дорог на путника весело смотрели солнечными „глазами“ белые ромашки.

Мне, впервые приехавшей в село в августе, все это было знакомо по роману Георгия Поротова „Камчадалы“. Душа писателя витала и над домиком у речки, где он любил гостить у матери; и над улочкой, названной сельчанами его именем; и над селом, откуда в 1904 году отправлялись на защиту Камчатской земли от японских хищников его родники. Уходили они, чтобы вернуться с победой, и ожили почти через век в образах героев романа их земляка.

„Камчадалы“ писались „на моих глазах“: Поротов рассказывал о поездках по местам боев, о ночевках в Ганальской тундре, об открытиях при чтении исторических книг. Часто он приходил беседовать о камчадалском бытии и с моим отцом, Селивановым Николаем Николаевичем.

Потом он принес в редакцию первые части романа, и я подготовила несколько глав для публикации в „Камчатской правде“.

Может быть, судьба уже тогда готовила меня к встрече с этой рукописью после ухода писателя из жизни, чтобы прочесть ее „другими“ глазами, чтобы сполна вложить в нее частицу труда литературного редактора — для новой встречи Георгия Поротова с читателем.

Последние годы Поротов с упоением работал над прозаическими произведениями. Он не почивал на лаврах популярного на Камчатке, по всему Северу России поэта, драматурга, фольклориста, композитора, артиста, организатора самодеятель-

ности... — щедро наделила его талантами природа — а пошел тяжелым путем литератора-историка. И это стало его миссией: поведать о скромности, душевной чистоте, мужестве камчадалов, корни которых питала прежде всего не ласковая, но почитаемая, охраняемая и любимая природа. В ней они черпали жизнелюбие, несмотря на войны, болезни, голод, притеснения.

Родились и увидели свет две (из трех) книги романа „На околице Руси“. И со страниц его заговорили, забалагурили, запели камчадалы самого боговерующего на Камчатке села Милькова, потомки смешанных семей ительменов и казаков.

А Поротов был готов к следующему шагу, по сути, гражданскому подвигу писателя: дать заслуженную оценку обороне Камчатки в период русско-японской войны 1904—1905 годов, событию, по достоинству не оцененному до сих пор.

Между тем, это был не незначительный эпизод в военной кампании, развернувшейся на Дальнем Востоке. Благодаря успешной обороне Камчатки, был сохранен богатейший рыбный район, единственный удобный порт, имевший выход в Тихий океан. „Без какой-либо натяжки можно считать, что на фоне сплошных поражений и неудач, как на сухопутных фронтах, так и на море, оборона Камчатки являлась единственной крупной военной удачей России за всю войну“, — писал краевед, член Географического общества В. И. Семенов.

Обо всем этом Поротов хотел рассказать в „Камчадалах“.

Он написал только четыре главы. Но их можно считать законченным произведением — так щедро они пропитаны „камчатским“ духом того времени: неординарные характеры, самобытный язык, черты уникального уклада жизни камчадальских сел, и тут же — забитость, запуганность инородцев губительно далекими от знания местной жизни чиновничьими указами, ненасытная алчность хищных предпринимателей при виде лакомой землицы, их презрение к издревле живущим на этой земле.

Писатель, нежно любивший родной край, достоверно воссоздал атмосферу единого патриотического порыва: под ружье, на защиту Камчатки, встали все ее жители: и по долгу службы, и по велению сердца, что и сегодня вызывает душевный подъем, гордость и трепетное волнение. А это, полагаю, признак животворной сути книги, а значит, и ценности ее публикации.

И еще одно благословение читателя.

В 1990 году на мое имя из Донецка пришел отклик на публикацию отрывка из романа Поротова. Автор письма, Владимир Шатохин, оказался правнуком одного из героев романа, шведа Северина Карлсона, а многие факты в письме были записаны со слов дочери Карлсона, Ксении Севериновны.

Лирические страницы о трагически-романтической любви Северина и местной девушки Матрены — одни из самых волнующих в романе. Писателю они были важны не банальной экзотикой, против которой он восставал всей душой при жизни, а общечеловеческой непреходящей сутью: различие в национальностях, вероисповеданиях не могут помешать настоящей любви. И младшая дочь Ксения, потерявшая мать в три года, тем не менее пронесла через жизнь воспоминание о глубоком чувстве своих родителей.

В момент написания письма Ксении Севериновне было восемьдесят два года, и, по сообщению внука, она сохранила цепкую память и ясный ум. Отца она почитала как образованного, работающего и честного человека. После смерти жены Матрены, ради которой он принял русское подданство, Северин не уехал с Камчатки. Рыбачил, охотился вместе с жителями сел Явино, Озерная, ставшими ему земляками. Карлсон старался дать образование всем восьмерым детям (трое — от второй жены, тоже рано умершей). Так, мечтая, чтобы Ксения стала переводчицей, он отвозит ее учиться английскому языку сначала в Китай, затем в Японию. Скончался Северин Карлсон в 1932 году, на шестьдесят восьмом году, в Озерной, в доме замужней Ксении.

Воображение писателя меркнет перед реальными судьбами в жестокое время: репрессии, таинственные смерти, самоубийства... Все это случилось в огромной семье Карлсона.

В 1938 году был репрессирован и муж Ксении, Михаил Лазебный. И долгую жизнь, воспитывая трех дочерей и сына, Ксения надеялась на чудо появления его живым, а затем мечтала лишь о том, чтобы узнать, где он захоронен.

„История народа — это, по-моему, наши корни, — написал правнук участника обороны Владимир Шатохин, — и надо сделать все от нас зависящее, чтобы они не сгнили, чтобы мы не повторяли тех ошибок, от которых незаслуженно страдают люди“.

И эти строки звучат как напутствие в жизнь роману от молодого читателя, сумевшего почувствовать в бесхитростном, но глубоком и современном по смыслу повествовании живую связь времен.

Эти слова — и напоминание нам, потомкам участников обороны Камчатки: как бы не менялись политические и экономические взгляды, мы не вправе плодить не помнящих родства Иванов и в год 90-летия обороны должны вспомнить о скромных забытых героях и воплотить нашу благодарность в памятники, мемориальные доски, названия улиц.

Остается добавить, что Фонд компенсации (в пользу народов Севера) Камчатки (президент А. И. Белашов) делает большое дело, изыскивая средства для издания произведений местных писателей, а значит, для сохранения духовного начала в земляках-камчатцах.

*Н. Селиванова,
член Союза писателей России*

МЕДВЕЖИЙ УГОЛ

Часть первая

У БЕРЕГОВ КАМЧАТКИ

1900 год...

После восьмидневной морской трепки пароход „Тунгус“* выкарабкался из тумана на чистую гладь воды, под свод утреннего майского неба.

Гулко кашляя, на палубу поднялся седенький сухонький священник, отец Иринарх. Эту ночь ему спалось очень плохо: мучил кашель, тревожили горькие думы о будущем дочерей, которых он вез на Камчатку. Третий месяц в пути, а конца дороги не видать.

— Господи, слава тебе, — перекрестился священник на пылающий нимб восходящего над морем солнца. И, протянув дрожащие руки к светилу, медленно пошел к залитой солнцем корме. Вздохи и кряхтенье заставили батюшку оглянуться.

Из трюма, с ведром на шее, в помятой форменной одежде, вылезал сопроводитель почты Кокашкин, он же — представитель Приморской администрации. Бледный, измученный морской болезнью, Кокашкин еле держался на ногах.

— Не-эээ! — стонал он. — Никаким калачом они больше меня не заманят на эти треклятые качели! Все внутренности наизнанку вывернуло.

Заметив священника, почтовик хотел подойти к нему, но пароход качнуло.

— Кажись, не пьян, а гляди, как по сторонам водит, словно рыбу на

* „Тунгус“ — норвежский пароход, зафрахтованный Добровольным флотом для почтово-пассажирских рейсов на Камчатку.

крючке. Мое почтень... Доброго здоровьица, батюшка! Ишь как: разок сходил на Камчатку, так теперь опытным стали считать — до Анадыря пихнули. Анадыр-дыр-дыррр! Не-эээ! в последний раз иду. И вознаграждений не хочу. Не надо! — яростно замотал головой Кокашкин.

К священнику подошли двое парней-камчадалов, возвращавшихся из Хабаровска после учебы, наклонили головы для благословения. Тот перекрестил их, спросил:

— И куда вас, рабы божьи, направили?

— Меня в Большерецк учительствовать, — ответил бойкоглазый черноволосый парень. — А его, — кивнул он в сторону темно-русого приятеля, — в Мильково.

— Ну-ууу! — выгнул брови отец Иринарх. — Так и меня туда же направили. Идите-ка дочек обрадуйте.

Над кормой стали кружиться чайки. Справа, из океана, вынырнул остров Шумшу, слева показался мыс Лопатка. Протяжный гудок возвестил: близка Камчатка! Сквозь гул прибоя докатывался рев сивучей. Розовое небо всколыхнулось тучами птиц. Вокруг повеселело.

На палубу стали выбираться немногочисленные пассажиры: два тигильских казака, сопровождавших ясак до Владивостока, две молоденькие акушерки, направлявшиеся в Анадырь и на Командоры, трое китайцев-торговцев и одна из трех дочерей отца Иринарха, десятилетняя Лизонька.

От вымученных штормом акушеров исходил запах мяты. Они не расставались с мигреновым карандашом, предлагали другим: „Натирайте, натирайте виски — это помогает“.

— Слава Богу, до конца земли добрались! — глядя на гористый берег, широко перекрестился священник. — Вот она, таинственная малооббетованная страна!

— Ну ее, — пробормотал Кокашкин.

— Папочка, смотри, вон плывут золотые облачка, похожие на лики святых, — прижалась к отцу Иринарху девочка. — Ой, как здесь чудно!

— Во всем-то ты, Лизонька, святое видишь. Умница моя, — погладил он светло-русую головку. — Недаром в священном гимне поется: „Счастливы те из людей земнородных, кто таинства видел. Тот же, кто им не причастен, по смерти не будет вовеки доли подобной иметь в многосумрачном царстве подземном...“.

Пароход приблизился к Шумшу. С острова три раза грохнули выстрелы выговорной пушки*.

От берега оторвалось парусное судно и понеслось наперерез пароходу.

— Пушки с пристани палят, кораблю пристать велят! — пробасил

* Выговорная пушка — для подачи сигнала кораблю.

появившийся на палубе дьякон, рослый, с густой рыжеватой бородой и шевелюрой, он был подобен морскому богу Нептуну. Дьякон подвел к священнику двух его старших дочерей, семнадцатилетнюю Сашу и четырнадцатилетнюю Катю. — А мы запоздались чуточку — дамы прихорашивались. Передаю с рук на руки ваших прелестных чадушек.

Пароход замедлил ход и остановился. Заскрежетала якорная цепь. На корме парусника, причалившего к правому борту парохода, с караульной охраной из четырех вооруженных солдат стоял, подбоченясь, бравый японский офицер с черными усиками. На широком поясе, слева, почти касаясь палубы, свисал длинный боевой меч-даито, справа — в серебряных чеканных ножнах — клинок-сето, которым самураи вспарывали себе живот.

Подали трап, и офицер в сопровождении двух солдат и бородатого айна* поднялся на палубу. Он сложил в традиционном приветствии ладони, обвел сияющими глазами любопытную, но молчаливую публику и проворковал:

— О-хаё годзаимас! О-генки дэ ирасся мимас ка? Добра утра! Как поживара? — Не дождавшись ответа, он лукаво подмигнул попу и дернул за бороду айна.

— Ха-а, ты есть волосатый папа, етта есть волосатый сын. Саёнара! Порщай!

Затем японский офицер поднялся на капитанский мостик. Здесь улыбка его внезапно погасла. Он с рыканьем стал выпускать японские слова. У айна испуганно забегали глаза, он торопливо переводил:

— Я есть управитель эзосских земель. Мой долг — хорошо охранять воды Цисимы** от чужих воров и делать вокруг островов безопасность. Сети есть? Пушки есть?

— Нет. Откуда? — изумленно развел руками капитан. — У нас пассажирское судно. Здесь, — капитан показал на тюки, обтянутые брезентом, — оборудование для рыбоконсервного завода. Везем почту, муку, соль, сахар, керосин, веревку...

— Очень коршо! — японец достал сигарету и прикурил. — Спасибо. Я пошор.

Капитан пожал плечами.

— Интересно: два десятка лет Шумшу пустовал, а тут на тебе — управитель Цисимы объявился. Тьфу!

Офицер спустился на палубу и еще раз оглядел любопытных пасса-

* Айны — коренное население Курильских островов.

** Цисима — Тысяча островов, японское название Курильской гряды.

жиров. Вдруг девицы-акушерки присели перед ним в реверансе.

— Римма, — строя глазки и улыбаясь веснушчатым, похожим на сорочье яйцо, лицом, представилась одна из них.

— Лима-а-а, — вытянула губки другая, белолицая.

Кокашкин взбодрился, по-хозяйски обвел рукой пассажиров.

— Это молодые учителя: Ворошилов и Косыгин, Юн Чан Фу из Владивостока, а это его помощники, Ходя Большой и Ходя Маленький. Ну, а я, — встал он в позу...

Японец осклабился, качнул головой девушкам и вдруг ловко сунул сигарету в раскрытый рот Кокашкина.

— Саёнара! Порщай! — отвесил он всем поклон.

Парусник отчалил.

Загремели якорные цепи.

— Папочка, куда япончик с усиками поплыл? — спросила Лизонька.

— Он, доченька, убрался в свое нечестивое логово, — вместо отца ответил дьякон. — Нехристь!

— Сволочь! — приобщил к нему свой сиплый голос Кокашкин.

НА ОСТРОВЕ ШУМШУ

Японский офицер, сойдя на берег, направился к бухте Маёроппу. Переводчик несмело побрел за ним.

Николай Лазуков — единственный айн, оставшийся на Шумшу. Его соплеменников увезли на юг, на пустовавший остров Шикотан и еще куда-то, а его оставили переводчиком и учителем русского языка для японского офицера Сечи Гунзи.

Не так давно у Лазукова была семья: жена Аня, сын Ваньча. А сам он считался удачливым охотником и уважаемым человеком на острове. Каждый год ему поручали съездить на западное побережье Камчатки за медвежонком для айнского праздника Номанде. С Лазуковым иногда приезжали соседи-ительмены — погостить у своих сородичей, живущих на Шумшу, поплясать на празднике бакию*. Они привозили богатые подарки: олени и медвежьи шкуры, меховую одежду. А Лазукову как-то подарили колтон из бараньего рога для лемешины** и приучили класть табак за губу. Весело было!

Айн сунул руку в карман за колтоном. От страха по телу побежали мурашки: пальцы нащупали деревянную фигурку камуи. Он пригнулся

* Бакия — ительменский танец-пантомима, танец медведей.

** Лемешина — табакерка для молотого табака с пеплом древесного гриба (колтон).

и, озираясь по сторонам, побежал к амбарушке-развалюхе, единственному строению, оставшемуся от айнского селения, котану. Гунзи приказал разрушить церковь, школу, дома. Из бревен построили бараки для солдат.

Лазукову разрешили жить в старом амбаре. А чтобы ревностно служил объявившемуся на острове хозяину, несколько раз прошлись по спине бамбуковой палкой и на долгую память повесили ее около дверей амбарушки.

Айн приоткрыл сокровенный тайничок в поду железной бочки, заменявшей печь, и спрятал туда камуи. Навряд ли теперь ему придется побывать на медвежьем празднике. А медведи, наверное, начинают выходить из берлоги. Вчера он смастерил из дерева фигурку медвежонка, сделал ему берлогу-тайничок и всю ночь, как ребенок, игрался. А утром, чуть свет, заявились солдаты и едва не застали его за игрой. Второпях он сунул камуи в карман. Так и явился к офицеру. Всю память выколотил хозяин. Сейчас поди дожидается.

Лазуков заровнял ямку землей и бросился к бухте.

На берегу выстроились огромные склады угля, снастей для рыбацких шхун. Несмотря на раннее утро, берег кишел людьми, как речка в рунный ход. Рабочие носили доски, мешки. С плетками в руках и саблями на боку прохаживались надсмотрщики.

Рядом с высоким каменным уступом, у громогласного водопада, возводился завод для обработки рыбы. Наверху, на солнечном сухом месте, открыли склады пушнины. Под навесы выносили проветрить отливавшие серебром шкуры морских бобров, добытых на мысе Лопатка.

Внизу, в стороне от добротных построек, приклеился к скале кожевенный завод. Казалось, что его крыша покрыта снегом, так облепили ее чайки. Рядом, огражденные забором, ютились низенькие обшарпанные постройки бураку, поселения кожевников низшей касты „эта“, что означало бранное слово „много грязи“. Жители бураку не имели права ходить по острову. Только в дни охоты им разрешали выезжать на мыс Лопатка, на промысел нерп и сивучей.

Камчатка давала все для жизни пиратских островов Шумшу и Парамушир. В ее водах промыслили тридцать хищнических японских шхун. Японцы, пользуясь отсутствием охраны на побережьях, безнаказанно ловили и вывозили рыбу в Японию.

Завидев приближающегося офицера, на берегу выстроились командиры шхун. На обнаженной груди каждого висела дощечка, испещренная иероглифами. На обратной стороне ее была врезана печать. Дощечка была драгоценней судовых документов: потеря ее лишала всех прав мореплавания в японских водах.

Гунзи проверил дощечки и сурово произнес:

— Помните, уходящие туда: нам нужна рыба! Рыба для Японии — вопрос жизни! Пустые не возвращайтесь! Без деревянных пропусков дорога вам закрыта! Удача с вами!

— Банзай!

Гунзи вошел в длинный бревенчатый дом, окруженный со всех сторон солдатскими бараками. Тут была его резиденция, отсюда он наметил взлет к большой карьере.

В прихожей к Гунзи неслышно подкралась его любимица, черная кошка Утю, и, сладко мяукая, стала тереться о ноги хозяина. С помощью угодливого слуги Гунзи сменил военную форму на халат и сандалии и, пройдя в дальнюю комнату, опустился около низкого столика, на котором под лучами восходящего солнца переливались разными цветами обкатанные морем камни-самоцветы. Таинственное сияние заполняло комнату. Гунзи любил и обожествлял комнату Камней. Здесь он составлял свой гороскоп.

Подтянув под себя ноги и чуть склонив голову вперед, Гунзи с неугасимым волнением стал рассматривать рисунки на самоцветах, медленно погружаясь в раздумье...

Посередине черного блестящего глаза агата, как кошачий зрачок, пролегла белая прожилка. „Это мой путь в великое будущее империи Восходящего солнца“, — определил Гунзи.

Он, Сечу Гунзи, лейтенант японского имперского флота, первым откликнулся на воззвание резидента Сахалина Окамота Кансукэ об обороне Цисимы, как ключа к северным воротам. Гунзи создал „Хооко-огикан“ — патриотическое общество возрождения справедливости, разработал план колонизации Северных Курильских островов и сам взялся за его осуществление. Его начинание поддержали высшие круги Японии и даже сам микадо! Ветер славы подул в его паруса...

Зелень яшмы оторвала взгляд Гунзи от агата, и перед ним простерлась морская гладь. Сладко заняло в груди...

Он, Сечу Гунзи, сын самурая, во главе ста двадцати переселенцев, набранных из младших офицеров и матросов военного флота, отправляется на парусниках к далеким землям Эзо, чтобы стать стражем „северных дверей“. Они вышли из Токийского залива под белыми парусами, с торжественными флагами, под звуки военного марша. Многолюдная толпа восхваляла их подвиг. Губернатор Токио с толстой японской энциклопедией в руках провозглашал:

— Япония уже с самого момента своего возникновения должна

считаться повелительницей всех тех мест, которые она занимает ныне, и даже тех, которые еще не занимает. Банзай!

— Банзай! Банзай! Банзай! — летело вслед уходившим. Так, обласканные красивыми девушками, богато одаренные императорской четой и знатными людьми, переселенцы покинули столицу. Сам микадо издал приказ, предписавший жителям тех мест, где будут приставать путешественники, доставлять им бесплатно все необходимое.

Три года шли они под белыми парусами морской дорогой до крайнего острова Курильской гряды — Шумшу...

Взор Гунзи перекинулся на дымчатый топаз.

В кисейной дымке показались плывущие с рыбой японские шхуны. Это они возвращаются из первого похода в Дальнее море — от берегов Камчатки. Вместе с судами акционерного общества рыболовства в Дальнем море „Хакочидай“ и компании „Сухара“ суда и его компании, „Энкаисюу суисан кумиан“, самой большой компании по добыче рыбы в Дальнем море. Гунзи скоро станет самым богатым человеком в Японии...

На окно упала тень, и камни померкли. Гунзи нервно вскинул голову, вздернул губу и обнажил торчавшие вперед длинные зубы. Заслонив солнце, у окна стояли охранник, служанка и айн-переводчик.

— Я-ааа! — словно сивуч, взревел Сечу Гунзи. Три фигуры замерли в испуге. Но тут Гунзи вспомнил, что у него сегодня день изучения русского языка, и умерил свой гнев. Недавно его вызывали в Токио. Там он был представлен главе зарождающегося союза „Кокурюкай“ („Черный дракон“) Мацуре Тояме, который с фанатическим пылом требовал: „Вы должны ездить по Камчатке и вести там разведывательную работу, изучать обычаи, язык, нравы и в то же время располагать их души к нам. Война между Россией и Японией неминуема. Камчатка — земля варварская и далекая — должна стать нашей. Ее люди должны любить Японию“. Мацура Тояма надеялся на Гунзи, ждал от него скорых решений. Ему было отпущено 250 тысяч иен. В помощь снарядили врача Ода Наотаки. Помни, сказали ему, Хоккайдо был нашим скачком на Сахалин. Знай: Курильские острова, Парамушир и Сямсю — прыжок на Камчатку.

Вчера Ода отплыл на шхуне с рыбаками для изучения пустынного восточного побережья Камчатки. Надежная опора Ода Наотаки!

Вознеся себя на крыльях мечты, Гунзи приосанился, стал внимательно осматривать себя в настенное зеркало. Матово-белая кожа, продолговатое лицо, тонкий выпуклый нос, открытые карие глаза, чуть-чуть выдающиеся скулы, тело стройное, ростом выше солдата. „Таким и

должен быть тип высшего сословия!" — горделиво заключил Гунзи. Он свысока оглядел солдата-охранника: раскосые, похожие на таракашек, глаза, приплюснутый нос, рот, как у морского бычка, желтое лицо, скулы выпирают. Брезгливо перевел взгляд на трясущегося айна. Некоторые ученые доказывают, что айны влили свою дикарскую кровь в японцев и повлияли на внешний тип великой расы.

— Ничего нет схожего с этими низкими типами! — восторжествовал Гунзи. Огорчали его лишь длинные зубы. Они приподнимали верхнюю губу, отчего казалось, что он все время улыбается. Чтобы скрыть эту вечную улыбку, Гунзи отрастил усы.

Гунзи отпустил бамбуковую занавеску на окошко и прошел во вторую комнату. Здесь, на высокой подставке у самого потолка, сидел онагатори — длиннохвостый петух. Его яркие радужные перья покоились на позолоченных крючках. Онагатори подарил ему в день отплытия сегун* с острова Сикоку, родины этой чудо-птицы. Когда-нибудь разноцветными перьями онагатори Гунзи украсит свой штандарт, символ завоеванных им земель Оку Эзо, земель диких варваров. За длиннохвостым петухом тщательно ухаживал слуга.

После осмотра онагатори Гунзи вышел в коридор, где его с нежным мяуканьем встретила кошка. Он взял ее на руки и ласково прижал к груди. Утю подарила ему на память девушка, ублажавшая его в последнюю токийскую ночь...

Гунзи вышел на крыльцо и насмешливо произнес:

— Я покорный ученик, Никорай, параходи учить...

ГОСТИ ИЗДАЛЕКА

А пароход „Тунгус“ шел — торопился.

Облака вспугнутыми лебедями улетали к северу.

Закутанные в теплые одежды, пассажиры не уходили с палубы. Они разлеглись где кто мог, блаженствуя под лучами солнца. Палуба напоминала лежбище котиков. Мимо проплывали причудливые заливчики, окаймленные серыми зубастыми скалами. Вереницей тянулись остроголовые горы, опоясанные снизу черным стлаником, с золотисто-снежными вершинами, отороченными вечнозеленым кедром.

Наконец-то пароход плавно вошел в Авачинскую бухту, и пассажиры ожили, засуетились. Ходя Большой с Ходей Маленьким нырнули в трюм и принялись вытаскивать скраб Юн Чан Фу. Хозяин поторапливал:

— Ходи, Ходя, быстра, быстра!

* Сегун — феодал (япон.).

К торговцу подошел усатый казак при сабле.

— Не торопился бы ты, паря, времячка у те хватит еще.

— Сам знай! — огрызнулся китаец.

— Документ?! — вспыхнул казак. — В трюм!

Юн Чан Фу суетливо зашарил по многочисленным карманам, но, не нащупав бумаги, засеменил к трюму.

Прямо по курсу „Тунгуса“ приближалась, „покуривая“, Стрелочная сопка*. Справа от нее показались Авачинская и Козельская. Кокашкин выступил вперед:

— Смотрите, люди! Глядите, детки! К нам скачут в стальных шлемах три камчатских богатыря: Ключевской...

— Авачинский, — поправил учитель Косыгин.

— Ну, это еще надо разобраться: кто прав. А вот у берега стоят по пояс в воде и поджидают их три сестры-красавицы, — показал Кокашкин на три скалы, возвышавшиеся над морской гладью.

— Это Шура, Катя и я! — захлопала в ладоши Лиза. — Правда, папочка?

— Правда, милочка, — согласился отец.

У подножья „трех сестер“ ласкались веселые волны. Сверху скалы были облеплены морскими чайками, словно девицы в пуховых шالях. По всей бухте плавали несметные стаи уток. При приближении судна они с оглушительным криком хлопали крыльями по воде и заполошно носились перед его носом, а потом, словно по команде, ныряли, и на миг наступала тишина.

На пути огромным крейсером встал Сигнальный мыс, и пароход, словно испугавшись, круто отвернул от него вправо, к Петровской сопке, и через узкий проход вплыл в уютную бухточку, называемую Ковшик. Слева поднялась небольшая, крутая, густо покрытая каменными березами, Никольская сопка.

Вот и сам Петропавловск: невзрачные, крытые бурой травой и корой березы и тополя избушки, осиротелые под весну камчадалские юкольники**, балаганы*** и амбарушки. Среди всей этой мелюзги выделялись под гофрированными цинковыми крышами склады товарищества котиковых промыслов, здание городского училища, торговый дом фирмы „Чурин и К^о“ и хоромы начальника Петропавловского уезда. А над всей сутолочной пестротой возвышались новый собор и, как непорочная дева, беленькая городская церквушка.

* Стрелочная сопка — местное название Корякского вулкана.

** Юкольник — вешала из жердей для сушки рыбы.

*** Балаган — крытый травой двускатный шалаш на длинных сваях.

— Лицезрите, люди! Вон он, край земли! — по-детски замахал руками Кокашкин. — Справа Мишенная сопка...

— Это Петровская, — остудил его пыл учитель Косыгин.

— Ну, эта еще надо доказать, — обиделся добровольный путеводитель.

В честь прибытия парохода с пристани ахнула пушка, атрибут больших праздников. Приход судна с продуктами и товарами раз в году — праздник. Встречать „Тунгус“ вывалило на пристань все население провинциального городка, а с ним припожаловали вездесущие собаки, поднявшие отчаянный лай.

Из трюма высунулся Юн Чан Фу со свертком и с подобострастным взглядом положил его у ног сердитого казака. Тот небрежно взял подношение, осмотрел его содержимое и кинул в лицо китайца.

Первыми по трапу сбежали напوماженные Римма и Лима и сразу же попали в окружение любопытной публики. За ними, не торопясь, с достоинством, стал спускаться отец Иринарх, ведя за ручку Лизоньку. Рядом следовали Шура, Катя и дьякон Деталович. Навстречу новоприбывшим шагнули пятеро священников — остаток бывшего Камчатского епископства. Само епископство в позапрошлом году перевели во Владивосток, и теперь церковную власть в округе и городе представляли пятеро священников.

Вперед выдвинулся невысокий, с живым загорелым лицом священник в малиновой с оранжевыми рукавами ризе. Склонив голову набок, он представился:

— Благочинный*, отец Анемподист. Значит, прибыли, долгожданные гости.

— Священник Иринархий.

— Дьякон Деталович, — прогудело над пристанью, и пожилая камчадалка, стоявшая подле священников, рухнула на колени.

— Батюськи-и-и... Нью, сынка, голос твой!

Пассажиров торопко растащили по домам. Попа Иринарха с детьми забрал благочинный, ведавший церквами округа. Дьякона Деталовича заманил к себе на постой, очарованный его голосом, почтмейстер Гвоздев. К нему же „переночевать ночку-другую“ пошел сопровождающий почту Кокашкин.

На опустевшую пристань сошли с парохода китайцы в сопровождении казаков.

* Благочинный — священник, которому поручено благочиние (послушание, порядок) округа, несколько церквей и причтов...

— У меня другой подарок есть, — подкатился Юн Чан Фу к сердитому казаку.

— Замолчь!

— Да ну их! — скривил лицо второй казак. — Только в такой день и таскаться с ними по городу. Отпусти их, Харламий, пусть сами добираются.

— Марш в канцелярию! — приказал Харламий.

В этот вечер оживленно было на всех трех улицах Петропавловска. Самую длинную из них называли Большой, а в дни гуляний — Прошпехтом. На ней находились все деловые учреждения и магазин. Поперечная ей улица, которая шла от пристани, именовалась Второй, или Таможенной. И поверху, по Петровской сопке, пролежала короткая Казначеевская улочка.

В этот вечер Прошпехт заполнился степенно прогуливавшимися чиновниками и приказчиками чуринской фирмы. Их франтоватость виделась в манере разговора, походке, в щегольской одежде: фетровые шляпы, фраки с жилетами, яркие галстуки, лайковые перчатки. Деловито, как косточки на счетах, постукивали о тротуар тросточки.

Из избы почтмейстера под звон гитары выплывал бас Деталовича: „Накинув плащ, с гитарой под полою...“. Ему складно вторили тенор и баритон.

По соседству, в солдатском бараке, взвизгивали девицы. Надрывалась гармошка. Чей-то задиристый голос насмешливо выводил:

Привезли на почту почту.

Почту Гвоздик не дает.

Хочет Гвоздик эту почту

Растянуть на целый год!

Петропавловск веселился!

СБОРЫ

Отец Иринарх прибыл на Камчатку к охотничьей поре. Начинался весенний промысел на медведя. Истощенные за долгую зиму, звери покидали берлоги и выходили на морские побережья, где океан богато выкидывал готовую еду: мертвых китов, тюленей, морские водоросли. С десятками медвежьих шкур обычно возвращались домой охотничьи

лодки. Но морской промысел был коротким. Надо было успевать „отстреляться“, пока не пошла рыба и не поспела ягода.

Благочинный суетился подобно полевой мыши в дни запаса. Кухонный стол был завален гильзами, порохом, жаканами, дробью. На старинных церковных подносах бисером искрились пистоны.

Хлопотливый хозяин в первый же день бесцеремонно стал приобщать к своей работе новоприбывшего священника. Подчинившись вышестоящему сану и долгу гостя, отец Иринарх стал шилом выколачивать из стреляных гильз пистоны.

— Как-то сижу вот так же, как вы, выбиваю пистончики, — степенно повел разговор благочинный. — Матушка моя в окошко глядит на озеро, на перелетную божью тварь любит. И вдруг — бах! И поплыл я в тумане. Малаша, сердечная, около меня бегаёт, хлопчет, чего-то кричит, а я не слышу — оглох. Оказалось, пистон-то с осечкой, а в гильзе, на дне, видать, немного пороху пристало, вот меня патроном-то и навернуло близ виска... Да ты, батюшка, вколачивай пистон-то поглубже, самому ведь придется стрелять в зверя. Раненый лохматый не утка: не побежит от тебя, а к тебе драться повернет. Успевай стрелять!

— Как, мне стрелять?!

— Тебе, тебе, батюшка, ядрена-матрена. Я завтра-послезавтра на охоту качу, кто же тут, кроме меня, вашему преподобию направление даст и познакомит с местом назначения?

— Меня же в Мильково... детишки у меня...

Благочинный опустил уголки губ и недобро сощурил глаза.

— У кого их нет, детишек-та? За чадушками матушка Меланья приглядит, да и дьякон Деталович, как я приметил, неплохая им нянька.

Отец Иринарх хотел что-то возразить, но благочинный недовольно нахмурился. От его колючего взгляда отца Иринарха бросило в пот.

— Тут тебе не Большая земля, на тарантасах не ездят. Ты и на нарте в дороге померзнешь, и в седле зад' до коросты набьешь и, едучи на бату по горной реке, холодцом будешь дрожать. Одним словом, тут Камчатка! Яички с салцем не принесут, сунут рыбу или сухое мясо. А весной и этого нет. Вот, батюшка, и пользуйся моментом: пока медведи на побережье выходят падалью пастись. Они пасутся, а ты, знай себе, постреливай. Иностранцы шкуры берут за приличную плату. Глядишь, и церковной казне какой-никакой доходишко, и в свой карман весомый приход. У нас-от так говорят: работай двумя руками, а ешь одной.

Гость сконфузился:

— Я стрелять не умею...

— Нью, сынка, ты чего эта! — захихикала хозяйка у печки. — Я те науцу.

— Малаша! — недовольно сморщился хозяин.

Жена на носочках вышла из избы. Благочинный по-дружески похлопал гостя по плечу.

— Э-э-э, брось об этом думать. У меня напарники, брат, камчадалы из Старого острога, соболу в глаз попадают.

— Как, здесь еще остроги есть?

Благочинный засмеялся.

— Да нет, батюшка. Недавно, в девяносто седьмом году, по случаю двухсотлетия присоединения Камчатки к России, светские власти Старый острог переименовали в Завойко, но а мы по старинке, как по церковным книгам именуется, так и называем. Вообще-то скажу: у нас каждая светская шишка старается прицепить свое имя на какую-нибудь сопку, деревню или речку, а мы с божьей помощью захериваем их имена. На Камчатке все должно твориться от имени Христа. Так оно было от века, так оно будет во веки веков! Так-то, отец Иринарх. Аминь!

И отец Иринарх снова склонился над гильзами, но благочинный сказал:

— Пойдем-ка почивать. Ты, батюшка Иринарх, ложись в спальне, чадушки пусть в горнице располагаются — место всем найдется. А мы с Малашей, скажу с откровенностью, любим на чердаке спать-почивать. Там у нас веники да разные травы лечебные. Такое благовоние! У-ух! Ты завтра до обеда погуляй с детушками, ну а после обеда продолжим сборы. Послезавтра полетим на морской шлюпке через Авачинскую губу к мысу Лопатка. Зверья там!

У гостя испуганно вытянулось лицо.

— Опасно!

— Я тебе еще раз говорю: охотники будут из Старого острога. В глаз попадают...

— Против мыса, на острове, японцы. Сегодня видели. Из пушки палили. Ихний офицер на палубу к нам поднимался.

— Эка-брека, этакая напасть! Там крещеные айны жили... Говоришь, японцы объявились? Эта нехристь на все способна, может нам подлость устроить, — струхнул благочинный. — Придется к восточному берегу на конях двигаться, там тоже неплохая охота. Правда, после езды немного раскоряками походим.

В избу зашла Меланья. Взяла с печки чайник, долго пила через носик, довольно причмокивая.

— Во рту сохнет. Пошли, отец.

Благочинный вытер руки о холщовый передник.

— Ты, отче, утром деток на Култушное озероводи полюбоваться божьей птицей, там и позавтракаете на свежем воздухе. Благодать! Ой!

— вдруг он схватился за щеку.

— Чё, Неба, опет щеку прикусил? Давно бы вырвал кривой-та зуб, мучает он тебя, — посочувствовала мужу Меланья. — Тогдысь на службе закричал на всю церковь...

— Не мели! — остановил ее благочинный. — У меня этот зуб в левой стороне один. Вырву, чем жевать буду?

Отец Иринарх долго не мог заснуть: неумолчно звенели комары, шуршали тараканы, то и дело над головой поскрипывала балка. Накатывались думы о судьбе детей. Сашу оторвал от учительской школы. И года не проучилась. Кого ей Бог пошлет в мужья? Камчадала-дикаря? Купца-хитреца? А купцы все больше инородцы да заморские. Господи, помоги! А тут еще охота.

Батюшка уснул только к рассвету.

НА БЕРЕГУ ОЗЕРА

Проснулся отец Иринарх от настырного стука в дверь.

— Это вы, благочинный? — спросил отец Иринарх спросонья.

— Это мы с дядей Дамионом, — ответила за дверью Саша. — Вчера пообещали нас утром поводить по городу.

— Ой-ой, простите, детки! А утро-то, утро! Какое чистое! Вы идите пока на улицу, я тут мигом облачусь.

Наскоро одевшись, отец Иринарх взял Катю с Лизой за руки и повел их по склону Петровской сопки к Култушному озеру, месту отдыха горожан. Саша с благоговением созерцала дикую красоту Камчатки. Горделивые величественные горы, витые каменные березы, безумолчно гремящие ручьи — все здесь возвышалось над людьми. Здесь природа поражала человека, властвовала над ним. Саша чувствовала дыханье необычной весны.

— Смотри, папочка! Дядя Дамион, смотри! Вон утки! Утки! — дети вырвались из рук отца и побежали к берегу.

По всему Култушному озеру плавало неисчислимое множество пернатых. К ним со свистом опускались новые стаи. В пестроте прилетных уток с трудом можно было различить хозяек — чаек.

— Чтой-то такое творится, батюшка?! — изумился дьякон. — Дичь

сама в кастрюлю просится, а пошто ее все стороной обходят? Уток-то, уток — хоть палкой колоти!

— Ти-ти-ти, остынь! — укоризненно произнес отец Иринарх. — Здешние люди одним днем не живут. Мне вчера благочинный пояснил так: весна в долинах ныне припозднилась. Утки-то и завернули на Култушное поднабраться силы для дальнего полета на север. Кормов для них тут хватает. Стрелять на озере строго-настрого запрещено, на это есть отведенные начальством угодья. Здесь набьешь дичи — север оголится...

— Папа, гляди, какая красивая утка у талинки купается! — дернула за рукав отца Лиза. — Почему у нее головка и грудечка черные, а бочки белые?

— Этого я не знаю. Так уж ей Богом дано.

— Это кавалер. Цернь, так у нас называемая! — раздался сзади бодрый, с прицокиванием голос.

Все разом обернулись. Перед ними с узлом в руках стоял бравый камчадал лет сорока пяти, в солдатских брюках и гимнастерке. Из-под сдвинутой набекрень фуражки с блестящим козырьком торчали по бокам смоляные строптивые волосы. Обут он был в яловые черные торбаса* с красной опушкой поверху. Широкоскулое, продубленное весенним ветром лицо, с черными, как шикша**, глазами приветливо улыбалось.

— Казак Петро Корякин! — гаркнул он, чудно сдвинув и тут же раздвинув короткие широкие брови. — Вот-ка вам послали еду, — протянул он узел.

В узле была кастрюля, заполненная доверху вареной рыбой и картошкой, и завернутый в бумагу каравай ржаного хлеба.

— Первая цавица в устье Аваци зашла, — показал казак на куски отваренной рыбы. — Ну, а как водится у нас: первую добычу подай на стол нацальнику и благочинному.

— Присаживайся с нами, казак, — пригласил батюшка.

— Благодарствую. Рад бы, да не могу: щас у нас уцоба, и брюхо должно находиться налегке. Вона-ка почтарь Векша катит, он-то уж с вами посидит, — сощурил в усмешке глаза Корякин.

Так приезжие познакомились с известной личностью на Камчатке, Петром Корякиным. Он был замечательным охотником, умелым мореходом. Восемь лет назад, охотясь на морского зверя, Корякин на ветхой шлюпке забрался на оконечность полуострова, на мыс Лопатка, и открыл богатое лежбище бобров. Начальник Петропавловского уезда

* Яловые торбаса — летняя обувь из подстриженных оленьих шкур.

** Шикша — тундровая ягода.

Ошурков воспользовался его открытием, объявили лежбище Корякинским, а промысел там — достоянием камчатской казны. А чтобы к драгоценному зверю (шкура бобра оценивалась в тысячу рублей) не тянулась чужая рука с ружьем, в восьми верстах от промысла учредили сменную охрану из шести казаков. Трое из них проживали в Петропавловске, а трое — поближе к лежбищу, на западном берегу Камчатки, в селении Явино, которое находилось в двухстах верстах от Лопатки. Командиром охраны был назначен Корякин. В одной руке мы держим русский флаг, в другой — заряженную винтовку, говорили охранники лежбища, что означало: попробуй подойти!

Сейчас Петр Корякин со своими двумя напарниками был освобожден от караула и находился на учении у унтера Сотникова, являясь его помощником.

— Церни-то, церни! — восклицал Корякин, глядя на озеро. — Сколько ее налетело!

— Папа, где цернь? — спросила Лиза.

— Чернь, доченька, — поправил отец. — Вон у тальника.

— А рядом с ней буренькая утка плавает. Видишь? На кончике носа белая каемочка. Это кто?

— Это дамоцка, — пояснил казак.

— А рядом, с косичками, тоже дамоцка? — показала Лиза на суетливую остроносую птицу. — Охорашивается по-всякому, как наша Саша. Правда же?

Священник ухмыльнулся и посмотрел на Сашу. Катя не вытерпела и залилась смехом. Саша не обиделась — уж очень красиво ухаживала за собой утка.

— Это не дамоцка, а кавалер-гагара! — громко захохотал Корякин. — Не дамоцка! Не угадала!

Отец Иринарх смахнул слезу и глубоко вздохнул.

— Какая кругом божья благодать — рай земной. Смотри да любуйся чистотой природы и сам-то станешь чище душой...

— Душу-то мы насытили, пора бы и тело, — напомнил дьякон.

— Корякин! — донеслось от Никольской сопки.

— Иду-ууу! — откликнулся казак и на бегу пропел:

Привезли на поцту поцту.

Поцту Векша не дает...

— Мужлан! — погрозил ему вслед тростью появившийся на берегу франтоватый чиновник. Подойдя к священнику, приподнял шляпу.

— Почтмейстер Викентий Самсонович Гвоздев!

— Просим к нашему шалашу, — обвел рукой дьякон импровизированный стол. — Без церемоний.

Гвоздев приподнял фалды фрака и тяжелым задом плюхнулся на землю.

— Рад познакомиться... О, чавыча! Рыба дорогая: по тридцать—семьдесят пять копеек за штуку платим. Но она того стоит. Стоит!

Со стороны Петровской сопки, шагах в ста от отдохавших гостей, из березняка вышли на берег два мальчика в латаной одежонке. Они мигом скрылись в зарослях густого стланика. Вскоре около берега отчаянно захлопали крыльями утки и пропали в кустах.

— Господи, что это такое?! Уток, как рыбу, крючками ловят, — перекрестился отец Иринарх.

— Ах вы, сорванцы! — рявкнул во всю глотку дьякон. Птицы, словно от ружейного выстрела, тучей взмыли вверх.

Девочки прихлопнули уши ладонями. Батюшка затряс головой.

— И дал же Господь такую голосину! Потихе бы надо, отец Дамион, божью птицу спугнул и нас оглушил, — поковырял он пальцем в ухе. — Эх, как дети убегают. А уток не бросили.

— Племянники Корякина, — опознал Гвоздев. — В дядю пойдут, разбойники, гляди, потом кого-нибудь и убьют!

— Да что вы говорите, Викентий Самсонович! Этакие мысли...

— Не знал бы, так не говорил. Корякин со своими дружками на бобровых лежбищах наловчился-то в людей стрелять. Ревностный к службе мужик. Говорят, что он со своими товарищами подкараулили одного охотника-промышленника в запретном месте — одним залпом обновили винтовки. Вот они с ним нянькаются, а он еще кого-нибудь...

На безлесной песчаной косе, отделявшей озеро от бухты, маршировали казаки. С боку молодцом вышагивал офицер и покрикивал: „Ать, два! Ать, два!“.

— Папочка, погляди, какие там солдатики ходят! — вскочила Лиза. — Пойдемте смотреть. — И потащила всех к косе.

Офицер, заметив их, подбежал и отдал честь:

— Унтер-офицер Сотников! — и обжегся об искристые глаза Саши. — Команда! — развернулся он. — Аллюром в три креста, пошел!

— Ура-ааа! — крикнули казаки и с винтовками наперевес бросились в березняк на Никольской сопке.

НА СОПКЕ НИКОЛЬСКОЙ

Еще далеко до обеда благочинный отправил служку Паньку в Забойко предупредить охотников о завтрашнем выезде на восточное побережье и, подстегнутый окончательным решением, привел весь дом в суетливое движение. Отца Иринарха после прогулки завел в амбар и засадил за чистку и смазку ружей, напомнив: „Хорошенько делай, батюшка, раненый медведь — опасный“.

После обеда гулять по городу девочки отправились без отца, под присмотром дьякона. Вышли на Большую улицу. Стояла безветренная погода. Тополя одевались в нарядный зеленый убор. Всюду слышался зов весны: торопитесь меня встречать! По распадкам лениво бродили коровы. Звонкоголосые ручьи, пробежав по дворикам обывателей и окропив их огородики, дружно впадали в канаву и под деревянным настилом несли свои воды в Ковшик.

Из окошка почтового дома высунулся Гвоздев и приветливо помахал Саше. Шалунья Катя послала ему воздушный поцелуй. Девичий страж нахмурился, схватил Катю и Лизу за руки и повел их к деревянному храму, у подножья Никольской сопки. Не доходя до храма, они увидели могильный курган, а возле него казаков. Надпись на медной дощечке креста гласила: „Памяти убитых при отражении англо-французского десанта 24 августа 1854. Мир праху вашему“.

Открылись ворота храма, и оттуда вышли унтер Сотников и казак Харлампий. Они вели под руки старушку в черном платке. Осторожно спустившись по деревянной лестнице, они подвели ее к кургану. Старушка глянула серыми поблекшими глазами на буйную дьяконову бороду и попросила:

— Благословите меня...

Дьякон перекрестил ее трясущуюся голову. Она опустилась на колени перед курганом и заговорила:

— Последний-от раз пришла, Васенька. Скоро уж, скоро даст бог нам свидеться. Жалко, могилки-то наши будут у разных сопочек, не в одной могилке будут косточки покоиться. Ты уж прости, что так долго задержалась на этом свете. Как сынок Ванюшка помер, так внук Вася, нареченный твоим именем, сразу куда-то и уехал. Господа говорят, что я больше восьмидесяти лет живу... дальше не могу... Одна я, одна... ох!

Тут старушка ударилась в слезы. Офицер осторожно поднял ее на ноги.

— Не надо, Агафья Ивановна. Успокойтесь. Вас же казаки не оставляют в одиночестве. Давайте-ка вот присядем перед дорогой на скамеечку, отдохнем да и поплывем домой, в Авачу.

Саша подошла к Харлампию и робко спросила:

— Кто она?

Казак вполголоса поведал:

— Эта бабушка много испытала на своем веку. Она защищала Петропавловск от англичан и французов. В то смертельное времячко ее мужик, Василий Карандашов, в казацких урядниках ходил. На кошке, где вы нас утром за боевым учением видели, стояла батарея. Тама-ка и прикрепили Карандашова. Сами изволили заметить: место голое, опасное, насквозь простреливается. Тут уж, как говорится, или грудь в крестах, или голова в кустах!

— Каррр! — раздалось над головой.

Казак прихлопнул ладонью рот.

— Вот же гадость такая! Вся сопка черная. Весну почувствовали.

— А дальше-то что?

— Всех баб с детишками торопко собрали и от опасности в сопки отправили. А Агафья заартачилась. Говорит: не уйду от друга-мила — хоть убейте! Силой-то не потащишь. В то время у нее на руках грудной Ванюшка был. Так она его за камни спрятала, а сама давай снаряды к орудиям подносить, поврежденные укрытия поправлять да раненых перевязывать. В кой-то пору успевала и еду для мужиков приготовить, и ребенка покормить, утешить. Двужильной бабочкой была. Старики сказывали, раненые ее ласково Сероглазкой звали... А тут осколком снаряда сильно задело Карандашова. Оттащила его Агафья к сыну. Там он и помер...

— А ребенок-то жив остался?

— Живой, но мерячить после стал. Меряк часто брал.

— Болезнь такая?

— Какая-то особая. Если, например, напугается, то или истерику закатит, или припадок случится: свалится на землю и рыбой забьется, а то запустит, что под руку попадет — топор, так топор, ножик, так ножик. Худой след война на нем оставила. Сколько мучилась Ивановна с ним, но никто не видел ее слез. Когда в ней сила, сама и рыбу на зиму заготавливала, и стог сена коровке ставила, и дрова привозила. Как вот этот храм купец Филиппеус поставил, так Агафья Ивановна зачастую сюда...

Старушка поднялась со скамьи, Сотников и Харлампий подхватили ее под руки и повели на перевоз к Култушному озеру.

— Нарвите цветочки и положите их на могилу воинов, — сказал дьякон девочкам. — А после сходим к памятнику Славы, он недалеко.

Они зашли в ухоженную оградку, и словно маленькое солнце вспыхну-

ло на золоченом куполе. На гранях пятигранного монумента известный ваятель изобразил лавровые венки. С восточной стороны надпись гласила: „Памяти павших при отражении англо-французского флота и десанта 20 и 24 августа 1854“. На западной грани было помечено: „Поставлен в 1881 году“.

— Святое дело свершилось на святой горе, — прогудел дьякон и перекрестился.

— А почему святая гора? — стали расспрашивать девочки, и дьякон рассказал все, что узнал от почтмейстера.

Победу над англо-французской эскадрой церковные служители приписали не только защитникам города под командованием генерала Завойко, но и божественной силе. Когда с фрегата „Аврора“, находившегося в малом Ковше, стреляли из пушек через седловину горы во вражеские корабли, канониры перед каждым выстрелом приговаривали: „Помоги, Николай! Помоги попасть, святой угодник!“. И церковные отцы окрестили безымянную сопку Никольской. Теперь каждый год, в честь богом освещенной славной даты идут крестным ходом у Никольской горы.

Дьякон с Катей и Лизой сели отдохнуть на скамеечку. Саше не сиделось.

— Пойду погуляю по горе, хочу на Авачинскую губу сверху поглядеть.

— Далеко, Шура, не уходи, видишь, какая густота? Можно заблудиться или нечаянно с откоса упасть, — напутствовал дьякон.

По извилистой, чуть приметной тропе Саша пошла наверх. Шагах в ста от нее начинался крутой обрыв. Саша подошла к краю, прислонилась к толстой корявой березе и глянула вниз. От восторга закружилась голова. Внизу, у серого галечного берега, кудрявились мелкие волны. Вдали сторожили серо-зеленую бухту заснеженные вершины. И птицы, птицы...

Послышалось цоканье копыт. Саша увидела внизу Сотникова с казаками. У девушки екнуло сердце. Она отошла от березы и поднялась на пригорок. Отсюда хорошо видно, как казаки, вздыбив коней, повернули назад. Сотников ловко соскочил с седла и исчез в зелени.

— Корякин! — гаркнул Сотников.

К нему подъехал знакомый Саше камчадал.

— Принимай команду, и отсюда аллюром в три креста!

Ударив лошадей под бока, казаки скрылись за березами. Сотников, привязав коня к пеньку, подошел к девушке.

— Наслаждаетесь, так сказать, матушкой-природой? Если забыли, напоминаю о себе — унтер-офицер Максим Сотников.

— Александра Малахова, — смущенно склонила головку девушка. Чтобы нарушить неловкое молчание, Саша повернулась к бухте.

— Боже мой, сколько здесь птицы! Каждая по-своему разговаривает — интересно! Глядите: вон такие красивые утки и дерутся. Господи, чего они меж собой не поделили?

Сотников, картинно жестикулируя, пояснил:

— Это, красавица, парни-драчуны. Видите ли... понимаете ли, каждый стремится выбрать кралечку получше, а на пути — соперник! Ну и тут уж, как говорится, кто кого!

Саша прыснула в ладонь. Кавалер осмелел. Приблизился. С восхищением всматривался в покрасневшее лицо девушки, любовался белокурой косой. Но разговор повел серьезный:

— Наша незабываемая встреча, уважаемая Александра, происходит на историческом месте. Видите внизу, вдоль тропы, поросшие травой ямы? Они хранят полувековую память. Здесь стояла батарея номер три, батарея Александра МаксUTOва. Здесь он и погиб. Храбрый был командир. А вот на этом месте, — Сотников обвел рукой вокруг Саши, словно обнимал ее, — защитники города сошлись с врагом врукопашную.

Максим внезапно замолчал. Саша спохватилась:

— Мне надобно идти.

— Что ж вы так мало любовались бухтой? Такие деньки редко у нас выпадают.

Теперь замолчала Саша.

— Ну тогда прощайте! — Сотников разбежался и прыгнул с обрыва.

Саша вскрикнула и закрыла ладонями глаза. Когда открыла, казака уже не было. Тело налилось тяжестью. Саша хотела закричать, но сдавило горло.

— Каррр! — упало с березы, склоненной над обрывом.

Саша подняла голову и увидела в густой завесе ветвей Сотникова. Он ловко прыгнул на землю и подбежал к девушке.

— Испугались?

— Зачем вы так? — качнулась обессиленная девушка. — Вы же могли убиться.

Казак подхватил ее под локоть.

— Эта каменная береза под бурями стояла, пурги выдержала, а меня... Да чего там говорить — виноват, — смутился Максим.

— Смотрите, на той стороне бухты среди гор вулкан дымится, — примирительно сказал Саша.

— То Карымская сопка курится. На Камчатке вулканы называются

сопками, а бухту называют гуу-бой, — вытянул губы Сотников, словно для поцелуя.

Саша почувствовала, как сжимает локоть крепкая рука. Ее охватил невольный трепет. Сладко закружилась голова.

Сотников вплотную придвинулся к девушке, взял ее за руку.

— Сопка, изволите заметить, не очень велика, а все время трясется, как... как наш почтмейстер над чужими письмами!

— Но-но-но! — грозно пробасило за спиной казачьего командира.

Саша выдернула руку. Сотников сердито повернулся. Перед ними стоял дьякон с двумя девочками.

— Кощунство, унтер, вы помянули недобрым словом моего хозяина квартиры. Грех берете на душу! Слышу ваши речи и ужасаюсь!

Сотников брезгливо осмотрел дьякона и ехидно бросил:

— Вам бы, отец, в филеры податься!

— В какие филеры податься? — не понял дьякон. — Я и так уже забрался в такие тартарары, что дальше некуда подаваться.

Сотников поглядел на побледневшую девушку и понял, что ее бородастая нянька может все испортить, и смягчился.

— Простите. Вы, отец дьякон, видели, как утром у вашего дома толпился недовольный народ?

— Видел. Ну и что? Почту привезли.

— Тот-то и оно-то: почту привезли. Она приходит один раз в год, а ходят получать ее несколько раз в году.

— Не понял.

— Разъясню. Почтмейстер Гвоздев выдает ее не сразу, а частями, если всю зараз получите, то мало удовольствия доставит — один раз всего лишь почитаете, а понемногу вам давать — на целый год интерес растянете.

— Что за радость: тянуть такую канитель?

— Все это нужно для того, чтобы первому прочитать и все знать. Недаром себя всезнайкой считает, с начальством новостями делится. А кому невтерпеж, хочется почту раньше других получить — неси тайком Гвоздику подарочек. Вот какой он!

Дьякон замахал перед лицом руками.

— Не знаю и знать не хочу! Ты меня фиёром каким-то тоже обозвал. Дети, не пора ли нам домой?

— Рано, солнышко-то вон где, — ответила Саша.

Деталович с упреком взглянул на нее. Он догадался: Саше хочется еще постоять рядом с бравым и нахальным казачьим командиром. Взяв

Катю и Лизу за руки, он хотел было выйти на дорожку, как донесся хриплый знакомый голос:

— Девоньки-красавицы, сюда! Вон он ваш веселый гармонист!

На бугре выросли три фигуры: Кокашкина и приезжих девиц, Риммы и Лимы. Дурачась, девицы стали напевать:

Гармонист, гармонист,
Он наяриват на ять!
Разрешите, гармонист,
С вами польку станцевать!..

— Здравствуй, великий завоеватель девичьих сердец! А мы-то думаем-гадаем, куда он, миленький, делся? Все кругом обыскали. Ответь, за что покинул странствующих сирот?

Сотников смутился от неожиданной встречи и, прикрывая растерянность холодностью, сухо спросил:

— Что вам от меня нужно, странствующие девицы?

Римма и Лима от такого приема удивленно вытаращили глаза, обиженно скривили губы.

Подошел Кокашкин и кивком головы поприветствовал всех.

— Разгрузку завтра закончат. Послезавтра к вечеру, — он сделал прощальный жест рукой, — мы отчалим от камчатской пристани. Унтер Сотников, вы готовы в путь-дорогу?

Саша густо покраснела и зашла за березу.

— Я пошутил! — крикнул Сотников и бросился вниз по тропе.

— А-ах! — вскрикнули девицы.

— Посрамлен, яко под Москвой Наполеон! — бухнул басом дьякон.

С берез сорвалась туча ворон и закружилась в свадебном хороводе.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Н. Н. Селиванова. За родную землю	5
---	---

МЕДВЕЖИЙ УГОЛ

Часть первая

У берегов Камчатки	10
На острове Шумшу	13
Гости издалека	17
Сборы	22
На берегу озера	25
На сопке Никольской	29
Унтер Сотников	34
Свидание	42
На охоте	47
Заботы пастыря	53
Под присмотром	60
В Старом остроге	65
Женихи	70

ПУТЬ-ДОРОЖКА

Часть вторая

Прощание	78
Старшина Дьяконов	85
Дорожные встречи	88
На реке Ключевке	93
И снова дорога	97
Конец пути	103
Блин комом	108

ЖИТИЕ-БЫТИЕ

Часть третья

Мильково	113
Кирганик	121
Сватовство Сотникова	127
Снова Зубков	132
Мацумотка	139
Возвращение Максима	145
Звонарь	156
Свадьба Сотникова и крещение Мацумотки	160
Доктор раскрывается	165
Счастливая Лима и несчастливая Сика	172
Полетучка	176

ЗА КАМЧАТСКУЮ ЗЕМЛИЦУ

Часть четвертая

Вызов	185
Тревожные дни	190
Парнишки	197
На Верхнеявинском озере	202
Быстроногий Талвал	209
Боль Северина	213
Начало событий	219
Разведка	224
Поход	229
Бой на Озерной	239

Георгий Германович ПОРОТОВ

КАМЧАДАЛЫ

Редактор Е. Гропянов

Художественный редактор А. Гаристов

Технический редактор Е. Рыбаченко

Корректор Ж. Максимова